

АНИТА ФЕВЕРС

ВЕДЬМИНА ДОРОГА

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
Ф31

Феверс А.

Ф31 Ведьмина Дорога / А. Феверс, — М. : Т8 Издательские технологии /RUGRAM, 2021. — 332 с.

ISBN 978-5-521-92583-4

Их называют раганами. Иные кличут лаумовым отродьем, а порой и попросту — ведьмами. Лишь они могут лечить раны, нанесённые существами из мира Нави. Но люди боятся ведьм, а огненные колдуны охотятся на них как на диких зверей.

Всему виной тайна, сокрытая в прошлом их прапраматерей — лаум.

Ясмена не желала такой судьбы. И все же раз за разом она вынуждена обращаться к проклятому дару, а потом срывать в бег. Так было, пока случай не привел её в Приречье — маленькую деревню на границе между живым миром и Серой Чащей, которую девушка с детства видит во сне.

Теперь ей предстоит выбрать: бежать снова или шагнуть навстречу кошмарам, чтобы найти в них ответы? И сколько у неё осталось времени, если по её следу уже идёт зеленоглазый колдун?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92583-4

© Анита Феверс, текст, 2021
© Наталья Динер, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Спасибо моему супругу за то, что верил в меня, даже когда я сама в себя не верила.

Спасибо Ире Glasis за то, что готова была устраивать мозговой штурм в любое время суток, за неослабевающую поддержку и бесконечное терпение.

И спасибо судьбе, подарившей мне счастливые дни детства в краях, превратившихся в Беловодье.

ПРОЛОГ

Все должно было случиться на той самой Поляне.

Поляна была знатная: с высокой травой, в которой вспыхивали огоньки маков и золотились крупные ромашки; со своими холмами и равнинами, где жил князь-суслик и крылатый народ жуков-олений. Даже остров имелся — поваленный давным-давно и успевший позеленеть так, что и не разглядишь, ствол дуба. Детвора помладше с утра убегала на Поляну и резвилась там до самого захода солнца. По вечерам их сменяла молодежь. Жгли костры, тайком пили хмельной мед на травах, прыгали через огонь, держась за руки, пели и плясали. Поляне имя было ни к чему, она так и звалась — Поляной. И все знали, о чем речь. Толкнешь плечом подружку, наклонишься заговорщицки к подсвеченному солнцем ушку и шепнешь: «Айда вечером на Поляну?» Подруга подмигнет и сожмет легонько твои пальцы — и без слов станет понятно, что да, конечно, кто же откажется от посиделок на поваленном дубе?

Но сегодня с Поляны разогнали всех — и детвору, и молодежь, и косарей, которым вдруг понадобилось скосить сухую, ломкую от жары траву, бессильно устилавшую потрескавшуюся землю. Смех один. Бабка Марьяна, горбатая, сморщенная, как печеное яблоко, но все еще звонкая, словно колокольцы в зимней упряжке, отходила взрослых мужиков полотенцем по спинам. Причитала она при этом, что таких дурней свет еще не видывал — надо же, вы б еще ковер перед лаумой расстелили, как в княжеском тереме делают! Косари, ворча, будто сонные медведи, разошлись, но косы свои далеко убирать не стали. А ну как все же надо подготовить поле для чаровницы? Не приведи Сауле, еще разозлится и откажется помогать — что тогда делать?

Марьяна качала головой, повторяя присказку про дурней. В иное время вышеупомянутые незаметно вернулись бы обратно, тихонько окружили старушку и стали прислушиваться к ее

трескучему ворчанию, в надежде уловить хоть обрывок одной из многочисленных сказок. Не счесть, сколько чудесных историй помнила баба Маря. Но засуха выжгла любопытство из сердец людей. Поэтому Марьяна только щурила по-прежнему яркие синие глаза и молчала.

Солнце медленно карабкалось к горизонту. Подростки, восседающие на заборе, вдруг ссыпались с него спелым горохом и покатались-побежали по вымощенным досками улицам, а голоса летели впереди них, распахивая окна и открывая двери:

— Идет!

— Как идет? Пешком, что ли? — недоверчиво спрашивали деревенские друг у друга. Чаровница — и пешком?

— Да нет, едет она! На рыжем коне, лохматом, что твоя варежка, дядя Авдотий, — один из мальчишек остановился, бурно дыша и больше жестами, чем словами, объясняя гончару его ошибку. Гончар, тоже рыжий и кудрявый, расправил плечи и крикнул, оглаживая широкую бороду.

— На лошадке иное дело. Лошадкам отдых нужен, а там, глядишь, и задержится, успеем почет и уважение выказать...

Тонкие голоса уже звенели дальше по улице.

Марьяна выступала впереди нарядно одетых селян, по праву старшей встречая гостью. Они перешептывались и приподнимались на цыпочки, стараясь первыми углядеть чаровницу, и Марьяна усмехнулась: перед лицом чуда все люди ровно дети малые. Ворота чуть скрипнули, приветствуя лауму, и Марьяна поклонилась, досадуя на не к месту прихваченную спину.

— Лучом золотым тебе дорога, светлая лаума. Спасибо, что откликнулась на Зов и пришла.

— Как же иначе, бабушка, — отозвался Марьяне звонкий девичий голосок, и худые жилистые руки помогли ей разогнуться. Горячие ладони погладили старую женщину по спине, и она тихо охнула от щекотки, что прокатилась по жилам, вымывая боль и привычную, уже не замечаемую, скованность движений. Марьяна осторожно выпрямилась и заморгала. Солнце... Просто солнце слишком яркое. Не следует лужицей

растекаться на глазах у всей деревни, а то почувствуют волю и распускаются совсем...

Лаума — молоденькая, с двумя тонкими косичками цвета молока и васильково-голубыми глазами — хитро улыбнулась Марьяне, сморщив конопатый нос, но тут же посерьезнела и отстранилась. Прокашлялась, огладила простое платье из небеленого полотна и обвела взглядом взволнованных людей. Чем больше лиц она видела, тем синее становились ее глаза и строже лицо. Когда она закончила осмотр, Марьяна поняла, что ошиблась — не девочка, но взрослая женщина, немало успевшая повидать за короткую жизнь, стояла перед ней.

— Совсем плохо дело? — быстро спросила лаума. Люди, приготовившиеся к долгим рассказам, поначалу не поняли, переглянулись испуганно. Постепенно один за другим, они стали выкрикивать кто слово, кто два. Марьяна не мешала. Лаума слушала — всех разом и каждого по отдельности. Ветерок трепал подол ее платья, украшенный зеленой обережной вышивкой, и Марьяне показалось, что вместе с ветром синеглазую стал окружать туман. Повеяло прохладой. Коснувшись щеки, старая женщина растерла между пальцев мелкие капли, осевшие на коричневой от загара коже. Вздохнула тяжело, нервно дернув сухим горлом, а лаума уже выпустила ее руку и пошла в сторону Поляны, продолжая слушать деревенских.

— Земля потрескалась, аж звенит под ногами...

— Урожай-то, урожай! Чем зимой кормиться будем?

— Я на продажу репу рашу, с чего мне расходы покрывать?

— А у нас вся Поляна высохла!

Синеглазая водяница присела на корточки перед выкрикнувшим последнюю фразу малышом и опустила руки на его плечи:

— Не бойся. Вы сделали все возможное, юные храбрые защитники. И я пришла, чтобы помочь спасти вашу страну. Ты ведь мне веришь?

Малыш, еще минуту назад обиженно выпячивающий губку и размазывающий липкую надоедливую пыль по щекам, просиял улыбкой и закивал. Лаума выпрямилась и огляделась: пе-

ред ней расстилалась Поляна. Только теперь она была жалкая, бурая, выжженная злым солнцем и беззвучно плачущая о дожде. Князь — суслик давно убрался в новые земли. От жуков-олений остались только хрупкие панцири, рассыпанные возле гнезда. Где-то позади молодой ведьмы обреченно склонили голову посевы, молящие богов хотя бы о капельке воды. Такой засухи в этих краях еще не бывало.

Лаума опустила на колени и уперлась ладонями в растрескавшуюся землю. Ее глаза были закрыты, губы шептали что-то беззвучно. Глинистая сушь вздрогнула, словно живое существо, пробужденное от спячки. Люди, переглядываясь, откатились от чаровницы, вернулись под защиту знакомых заборов и уже оттуда, с безопасного расстояния, продолжили наблюдать.

Лаума говорила, и в ответ на ее слова сгущался туман. Он поднимался вокруг женщины клубами, похожими на дым, уплывал в небо, но не таял, а будто наслаивался, и молочный покров становился все плотнее. Под ногами вздрогнуло раз, другой. Те, кто оказался похрабрее и ушел недалеко, охнули, когда пальцы чаровницы провалились в дерн, а из ямок брызнула вода. Сначала несмело, крошечными нитками, потекла она во все стороны. Потом все сильнее и быстрее, пока целые ручьи не побежали по трещинам и выбоинам, делая круг и собираясь в одном месте — долине, где встретили свою смерть жуки-олени. Вода заполняла низинку, и хоть та была неглубока, но потоки ручьев безостановочно стекались к ней, как будто дна у нее вовсе не было. Озерцо наполнилось до краев, и на поверхности закачались желтые полосы высохшей осоки.

Лаума медленно вытянула руки из земли и вскинула их к небесам. Испачканные глиной и песком, они казались одетыми в красные перчатки, и кто-то передернулся, разглядев в их цвете кровь. Глаза лаумы по-прежнему были закрыты, но голос звучал ровно, в полную силу. Тем, кто рискнул вслушаться в слова, почудилось видение: сизые отроги гор, пронзающих вершинами облака, и десятки хрустальных рек, сбегающих по их крутым склонам. Они несли свои воды в долины, чтобы напитать всю сеть водяных артерий, исчертивших Беловодье

серебром. Над прозрачными потоками в воздухе искрились сотни радуг и сливались в одну — огромное Радужное колесо.

Запахло грозой. Вдалеке, пока только примериваясь, заворочался и вздохнул сердито гром. Робкие струи дождя огладили запрокинутые к небу лица прохладными руками. Дождь набирал силу, напавшая собой землю, от которой пошел белесый пар. Ребятня с визгом носилась по лужам, а взрослые, скинувшие кто лапти, кто сапоги, не сильно от них отставали.

Марьяна стояла рядом с лаумой и успела подхватить покачнувшуюся женщину под руку. Та улыбнулась: глаза ее снова стали васильковыми, а не грозowymi.

— Все у вас будет хорошо.

* * *

Марьяна осторожно опустилась на лавочку возле своего дома, все еще не веря, что боль ушла. Лаум было мало, и на всех их сил не хватало. Какой доброй ни оказалась синеглазая, она не пришла бы просто вылечить спину старухе. Но помощь понадобилась большому поселению, и водяница откликнулась на мольбу. Впрочем, Марьяна чуяла — эта сразу не уедет. Скажет, что надо восстановить силы, и ненароком спросит, не надо ли кого подлечить по мелочи. После ее отъезда еще долго никто не будет маяться хворями, может даже целый год. И уж точно все детки родятся здоровыми и крепкими.

Тот самый малыш, с которым говорила лаума, вскарабкался на лавку и потянул Марьяну за юбку:

— Баба! А хорошо, что лаумы вернулись?

— Хорошо, малой, а то как же, — важно кивнула старушка.

— Баба! А ты знаешь, как они дорогу-то обратно нашли? — не унимался малец. Марьяна знала наперед все, что он скажет и о чем попросит, чай, не впервой они в эту игру играли. Но старой женщине было в радость рассказывать одну и ту же сказку. Быть может, потому, что она сама когда-то в этой сказке побывала.

— Да, баб Маря, Расскажи, как лаумы в мир вернулись? — поддержал малыша Авдотий. Марьяна, заплутавшая в своих

мыслях, подняла голову и усмехнулась: вокруг собирались сельчане, рассаживаясь, кто на траве, кто на принесенных лавках. В основном молодежь, но были и люди в возрасте, как рыжий гончар. Взглянув на буйный пламень его волос, Марьяна вспомнила другого рыжего мужчину. Пошамкала губами, ловя ниточку рассказа, и заговорила — красивым звонким голосом, напомнившим всем слушателям, что когда-то и она была молода и прекрасна...